

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «РУНЫ ЛЮБВИ»

- Наталья Косухина
«Синий, хвостатый, влюбленный»
«Пятьдесят оттенков синего»
«Корпорация Лемнискату.
И начнется отсчет»
«Корпорация Лемнискату.
И каждый день за веком век»
«Корпорация Лемнискату.
И замкнется круг»
- КСЕНИЯ БАШТОВАЯ
«Прокляты огнем»
«Дорогу осилит идущий»
- Ольга Громыко, Андрей Уланов
«Плюс на минус»
- МАРИЯ БОТАЛОВА,
ЕКАТЕРИНА ФЛАТ
«Академия попаданцев»
«Академия попаданцев.
Избранница Тьмы»
- Варя Медная
«Паук приглашает на танец»
- МАРИЯ САКРЫТИНА
«Я клянусь тебе в вечной верности»
«Слушаю и повинуюсь»
- Ольга Пашнина
«Осторожно, ведьма!»
- Терри Лу
«Под крылом дракона»
- ЕКАТЕРИНА ФЛАТ
«Его Тьма»
- ГАЛИНА МАНУКЯН
«Ученица чародея»
- Елена Литвиненко
«Кукла советника»
- Елена Малиновская
«Любовь без права выбора»
- Алиса Одинцова
«Начальник для чародейки»
- Надежда Мамаева
«У волшебства запах корицы»
- МАРИЯ БОТАЛОВА
Трилогия «ТАЙНЫ
ИЗНАЧАЛЬНЫХ»
Книга первая «В оковах льда»
Книга вторая «Огонь Изначальный»
- АЛЕКСАНДРА САЛИЕВА
«Прокляты и забыты»
«Обречены и одиноки»
- Ольга Мигель
«Принц на белом кальмаре»
- МАРИНА ДРОБКОВА
«Маг моего сердца»
- ДАНА АРНАУТОВА
«Страж морского принца»
- Аня Сокол
«На неведомых тропинках.
Шаг в темноту»
«На неведомых тропинках.
Шаг в пустоту»
- ЕВГЕНИЯ ПЕТРОЧЕНКО
«В летописях не значится»
- ВАЛЕРИЯ ЧЕРНОВАНАВА
«Колдун моей мечты»
- МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ
«Заклятые любовники»
«Заклятые супруги. Золотая мгла»
- Алиса Ардова
«Мое проклятие»
- Татьяна Зингер
«Соль и пламя. Леди теней»
- Катя Зазовка
«Немира. Колесо судьбы»

В К А Т Я
А З О В К А

НЕМИРА
КОЛЕСО СУДЬБЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-16

Оформление — *Екатерина Петрова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Зазовка, Катя.

З-16 Немира. Колесо судьбы : [роман] / Катя Зазовка. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-098974-4

Во времена, когда Макошь пряла судьбы людей, а солнце светило по велению Ярилы, когда леса полнились гаевками да лешими, а реки водяницами да баламутнями, человек зависел от воли богов. Но так ли беспредельно простиралась людская бесправность? Или все же жизнь была в руках самого человека, даже если это всего лишь девица, потерявшая мать, дом и отдавшая сердце тому, кого нельзя любить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098974-4

© К. Зазовка, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПРОЛОГ

Много месяцев Призрачная шайка грабила окрестные селения и города, много месяцев держала в страхе всю округу от Черных болот до самого стольного града Смедина. Справно были сложены ее ребятки, быстры да хитростью не обделены. Бугай, к примеру, одной рукой бегущего мерина укладывал. Ветряк с тройным наваром умудрялся сбить награбленное. Репенья любой птицей пел, любым зверем кричал, а уж человечесий голос подделать — для этого и горла не напрягал.

Бывало, дождется шайка, когда богатый хозяин двор свой покинет, Репенья тут как тут. Сторожевых псов тихим лаем успокоит, а дальше: открывай, женушка, вернулся я. Дура баба сама и впустит подменного мужа. Когда же глаза от вида разбойников в сыромятных кожах на лоб полезут, а рот для крика распахнется, так поздно уже: кляп и веревка справно свое дело сделали. А если все-таки попытается утаить о скарбе нажитом, тогда за дело любитель женских ласк Пюта берется. Но то лишь с дозволения главаря — самого Лисицы, князя грабителей да воров. Против него даже у десятка вышколенных воинов шансов было немного.

Откуда пришел этот ухарь с медной кожей, по-восточному раскосыми глазами да ранней сединой на висках, где почерпнул столько страшных бойцовских умений да ухищрений, не знал никто. Да только селяне между собой шепотом поговаривали: здешний он, от насилия зачатый, да мать в услужение заезжему купцу проданный. Оттого и злобу с обидой на всех людей имел.

Долго мучились люди от нападок прожорливых налетчиков, не раз в Смедин за помощью посылали. Да все ж изловить шайку никак не удавалось. Грабители-кочевники, выпотрошив хату иль обоз, вмиг снимались с места и в одночасье на крепких конях пропадали из виду, да так ладно, будто растворялись

в воздухе или к самой Паляндре¹ под землю спускались. Не зря ж их Призрачной шайкой звали. Но, конечно, прятались они не в царстве страшной богини, а в диких лесах, что за Черными болотами расстилались, куда обычный человек и носа не показывал, ведь всем известно, чем такие места полнятся...

Но однажды настал момент, когда Лисица совсем одурел от жадности и безнаказанности. Сдобренный хмелем, он поддался уговорам Новичка и повел своих не менее одурманенных брагой молодцев к ленивой полноводной Горыни. Там напали они на судно, что князю Смединскому дань везло. Но и моргнуть не успели, как навстречу им выскочил десяток бывалых латников, да в один миг повязал разъярившихся больше, чем следовало для боя, грабителей, потерявших от крепкого напитка меткость и проворство. Только Новичок и удрал.

Сыро. Холодно. В углу пищат крысы, пожирающие роскошный завтрак — полную миску золотистых драников с грибами. Что-что, а кормили в Смедине знатно... приговоренных к казни. Лисица к пище так и не притронулся. Нет, не брезговал, да и крыс с детства не боялся. Просто не желал — желудок еще с вечера прилепился к спине. Тут и маковой росинки не проглотить, не то что с обильной снедью справиться.

Лисица знал, что однажды настанет час расплаты за все те непотребства, кои творила Призрачная шайка. Вот только... Старая Юга искусной ведьмой была и попусту болтать не стала бы. А она предсказала, что главарь погибнет в бою от меча. Никак не на дубовой плахе в окружении дюжины висельниц на Казинке, которая располагалась в нижней части Смедина и была намеренно сконструирована так, чтобы все смрадные стоки города стекали сюда по затейливой системе ровов. Именно тут, как ее еще называли, на Смердящей площади, нечистоты замедляли свой бег, раскрашивая и без того несвежий воздух зловонием отходов людской жизни.

Казнь должна была состояться в полдень, дабы солнце, набравшее полную силу, могло осветить всю справедливость княжеской власти. И хотя с неба еще не сползли розово-лиловые рассветные сполохи, горожане уже подтягивались в предвкуше-

---

¹ *Паляндра* — богиня смерти (Здесь и далее примеч. автора).

нии посмаковать славное действо в первых рядах. Самые разумные заняли места еще с ночи. Целыми семьями дежурили. Еще бы! Такое представление!

Какой скоморох?! Какой балаган?! Когда чинно выйдет статный палач и занесет блестящий топор над склоненной головой... Стольный град, поди, и забыл уже, когда лишали жизни сразу тринадцать человек. Вернее, грабителей, насильников и убийц.

Для купцов дружины уже установили лестницу с пятью широкими ступенями. Укрыли пестроткаными коврами, чтоб никто не простудился. Осень все ж. Лисица ненавистно сплюнул и снова поднял голову. Крохотное оконце выходило прямо на место казни. Ни толстая проржавелая решетка, ни сгущающаяся толпа не мешали разглядеть плаху, в которой уже торчал топор, поблескивавший в лучах восходящего солнца, да пеньковые петли, покачивавшиеся в зловещем ритме — знал старый князь, как заставить заключенного хоть отчасти испытать то, что чувствовали его жертвы.

В Смедине тюремных ям не жаловали. Ибо в тех от сырости да собственных испражнений люд слишком быстро в калек превращался. Старый князь много толковых указов составил. Среди них был и такой, согласно которому всем осужденным за мелкие пакости надлежало не в ямах гнить, а приносить пользу по своим умениям (которые почему-то всегда обнаруживались в изобилии) в сухих тюремных комнатах с тюфяком да отхожим местом. И только на первых этажах был холодный земляной пол да крысы, дабы лишний раз напомнить, чего заслуживал за свои деяния осужденный на казнь.

Лисица несколько раз сжал-разжал озябшие пальцы, присел-встал в безуспешной попытке разогнать по телу тепло, но от оконца так и не отошел. И вроде можно было не глядеть, да ноги словно вросли в пол, а взгляд, как назло, не сосредотачивался ни на чем, кроме дюжины висельниц да топора, торчавшего в плахе, будто нож в масле. Крепко Паляндру ждут, коли такую казнь задумали. Это лелеяло черную душу ухаря. И страшило.

Рука опять потянулась к жбану, еще одной милости князя, но вовремя была отдернута. Хмель до казни выветриться успеет, а ощущение яви только четче станет. Не дело. Лучше перед самым выходом все залпом выхлебать. Вот тогда навеселе и Паляндрушку, точно излюбленную блудницу, привлечь можно.

Дневное светило перекаатилось на середину лазурного неба слишком споро. Как ни старался Лисица, так и не сумел припомнить ни одного дня, что так стремительно несся к ночи. Топор блестел все ярче, петли качались сильнее. Алые, словно обогранные кровью знамена с изображением орла, несущего в когтях солнце, неистово трепетали. Вот уже и знать стала подходить. А как явится князь, так и начнется...

И он явился. Никогда не опаздывал. Седой, в простоватом кафтане на лисьем меху, скрюченный (никак подагра совсем замучила), проковылял в центр лестницы, не глядя на протянутые руки служек, и тяжело опустился на золотой ковер. Ему давным-давно прочили смерть, да только Паляндра до сих пор не решалась подступиться — то ли любовь народа усмиряла кровожадность богини, то ли главный чародей Нежила Зимович отыскал источник бессмертия. Год от года князь не менялся, разве что голова становилась седее, а спина сильнее пригибалась к земле.

Лучники, как водится, дежурили на каждом выступе. Стражников было не счесть. Знатно несли они службу. Зоркие глаза реагировали на каждое движение, обращенное в сторону князя. Тут даже муха не пролетела бы без разрешения. Хотя особой нужды в такой защите не было. Старого князя без памяти любил и что простой люд, что богатеи. Ну, а если бы в город ворвался враг, что вряд ли — с таким-то укреплением, — то подле князя всегда был верный охранитель, который владел хитрым видом боя да стрелу на лету дланью отбивал. Да еще меньшей брат, закаленный боями да каждодневными тренировками. Вон и сейчас, когда вся знать о предстоящей казни болтает, Гольш Всеволодович, младший княжич, хранит молчание да внимательным взором площадь обводит.

Лисица крутанул ступней, потом другой, разгоняя набежавших от онемелости мурашек, и замер, готовый поклясться, что глаза молодого княжича задержались на нем. А заметив заигравшую на бледном лице улыбку, снова сплюнул от ненависти и бессилия.

Глашатай объявил о начале казни. По спине главаря Призрачной шайки снова побежали мурашки, только теперь не от холода и даже не от долгой недвижности.

Первым на площадь вывели Пояту. Толпа загудела, залюлюкала. Отовсюду в необычайно красивого молодца полетели плевки. Бабы завопили. Но вместо злости или страха на лице осужденного заиграла плутоватая усмешка. А дальше

Поята рассыпался в воздушных поцелуях и неприличных телодвижениях. Прервал этот балаган точный удар в челюсть, а затем другой — по причинному месту, чтоб неповадно было выставлять. Очухался молодец уже в петле, но не успел расплыться в кровавой улыбке, как палач выбил из-под ног опору. Следом повесили Ветряка, Сивого и Белку. С Бугаем пришлось повозиться. Хоть и тяжел тот был от роста да мускулов, а слишком долго дергался в пеньковом обруче — невиданно могучая шея сыграла с хозяином злую шутку. Когда кто-то в толпе не выдержал и заверещал, а следом этот писк подхватили десятки взволнованных голосов, князь смилостивился и едва заметно кивнул — крепкий палач навалился Бугаю на плечи — и тот наконец-то издох.

Репенья устроил целое представление — мол, помирать, так с музыкой. Заливался иволгой, дроздом, ухал филином, кричал петухом, а когда разразился соловьиной трелью, так бабы уже плакали навзрыд и молили князя о пощаде. На предсмертном вздрагивании подельника Лисица обнаружил себя вцепившимся в металлическую решетку. Пальцы побелели, тело покрыла испарина. В этот миг он ненавидел всех и мечтал исчезнуть. А еще страшно желал остаться в живых.

Настал черед Вирша. Лисица похолодел еще больше: странное время настало — теперь жизнь исчислялась не в веснах, не в седмицах и даже не в часах, а в подельниках, ожидавших казни. Всего шестеро. Главварь что было сил рванул толстые прутья, но решетка даже не скрипнула, не шевельнулась, будто намертво срослись металл и камень. На лице молодого княжича снова мелькнула довольная улыбка.

Пот ледяными струями катился за шиворот. Воздух с трудом поступал в грудь — не раздышаться. Пятеро. Четверо. Топор блестел до рези в глазах и словно становился больше. Мокрая насквозь рубаха липла к телу...

— Что, не хочется помирать?

Главварь резко обернулся и едва удержался, чтобы не протереть глаза. На пороге стоял Новичок. Тот самый, что науськал податься к Горыни. Только сырмятные кожи сменили дорогие изумрудные одежды, без вычурности, но такие не каждый корабельщик себе позволит.

Кулаки сжались сами собой. А в следующий миг Лисица уже стрелой летел на предателя. Только костяшки пальцев не задела и шелковой ткани — из-за спины гостя выскользнул невысокий человек и одним движением ноги отправил нападавшего

обратно к оконцу. Затылок встретился со стеной — боль такая, что на стенах острога зацвели маки. Но ярость оттого только разрослась. Впрочем, Лисица сумел с ней совладать. Почти.

— Псовье отродье! — Главарь встал.

— Ну-ну, — снисходительно улыбнулся Новичок, лениво потеряв родинку в виде звездочки над губой. — Я по делу.

Лисица фыркнул и отвернулся к оконцу, поджав тонкие губы. Затылка даже не коснулся.

К висельнице меж тем подвели Заячью Губу. Осталось всего трое.

— Так вот, — дружелюбно продолжил предатель. — Умирать совсем необязательно.

Лисица перестал дышать, но поворачиваться не спешил, взглядом провожая еще одного поделщика.

— Есть человек, заинтересованный сохранить твою жизнь.

— Однажды я уже тебе поверил, — едва не рычал от ненависти главарь, но все ж уши наострил — с малолетства не привык отказывать Случаю.

— Оно-то верно, — довольно усмехнулся Новичок. — Но то не твоя беда, я и мертвого убедить сумею.

Лисица смерил предателя настороженным взглядом и снова отворотился к оконцу. Пусть говорит, хуже все равно уже некуда — разве что пытки, но того в Смедине отродясь не бывало. И так, к чужеродной казни прибегли — специально для него топор заточили.

— Вижу, жить хочешь.

— Даже червь с отдавленным задом в землю спешит зарыться.

— Стало быть, идешь на сделку?

— Что взамен? — Взгляд метнулся к Гольшу и снова уперся в висельницу. Вид дергающегося в пеньковой гривне десятого поделщика вынуждал поторопиться с решением.

— Незыблемая печать.

— На что? — угрюмо осведомился Лисица и скривился, увидев, как Ясень то плачет, то хохочет — никак умом тронулся. Предатель тоже подошел к оконцу, протянул расшитый платок. Главарь мазнул по платку взглядом, презрительно хмыкнул, с трудом сдерживаясь, чтобы не воспользоваться опасной близостью и снова не пустить в ход кулаки.

— Не все ли равно? Все лучше, чем с башкой на плахе расстаться.

С этим трудно было поспорить.

— Решай, у тебя осталось совсем мало времени. — Предатель спрятал платок.

«Всего один», — пронеслось в голове главаря.

— Добро.

— Вот и ладно, — Новичок подал кому-то снаружи знак рукой.

Когда последний поделщик отправился в распростертые объятия Паляндры, сердце Лисицы забилося, как дикая птица в клетке. Воздуха вдруг стало не хватать. Гость хмыкнул и, напоследок бросив: «Скоро за тобой пожалуют», вместе со слугой покинул острог. Главарь, запоздало осознав двойность услышанной фразы, уставился на дверь. Но ведь согласие на печать дано...

Время текло, крепкая деревянная охранительница не шевелилась.

Вдруг Казинка взревела. Лисица вдавил лицо в решетку и ощутил, как расширяются от увиденного глаза. К плахе вывели человека, статью да волосами здорово напоминающего его самого. А вот лицо... Похож или не похож — углядеть это в кровавой маске было невозможно (и это в Смедине, где дальше розог никогда не заходили!). Толпа неистовствовала. Бабы зашлись в непрерывном вое, мужики трясли кулаками, подначивая палача отвести черную душу в Навь. Подменный главарь крутил головой и пытался что-то сказать. Толпа стихла — приговоренный промышчал что-то нечленораздельное.

— Язык усекли! — вслух догадался Лисица и расхохотался так, что стены задрожали. — Язык усекли!

Когда топор в один удар отделил голову от тела, Смердящая площадь разразилась дикой радостью. Жбан, не выдержавший атаки проворных лапок, завалился на бок — янтарное содержимое тонкой струйкой потекло на пол. Но главаря не удручил даже вид крыс, лакающих мед. Его голова осталась на плечах! И чувствовать ее там куда приятнее на трезвый рассудок, особенно теперь, когда в руке палач болталась замена. Лисица коснулся затылка, с удовольствием растер в пальцах алые капли.

Вот только кому мог так понадобиться Лисица? И зачем? Хотя какая разница?! Он жив, леший подери! Жив!

ГЛАВА 1

СОЛНЦЕ В КОГТЯХ ОРАА

Тянись, тянись, покутная нить.
Крутись, крутись, колесо судьбы.
Молю, Макошь, не надо спешить
Нить жизни рвать твоей верной рабы..

Солнце еще нежилось на мягкой перине в Нави, когда Немира облачилась в припрятанную с вечера одежду, скоренько заплела волосы в тугую косу и на цыпочках устремилась в сени. Она хорошо знала, куда следует ступать, чтобы половицы не выдали скрипом. К тому ж мамка бойко ивовым прутом орудет — тут едва ли не полетишь.

Немира выскочила за дверь, порадовавшись, что не зря накануне петли маслом смазала. Шикнула на проснувшуюся Бульку да выкупила у нее тишину мозговой косточкой. Юркнула за хлев, подхватила узелок и поспешила в лес к назначенному месту. Тут рукой подать — на окраине соснового бора их с мамкой изба примостилась.

— Яринка! — негромко позвала Немира, остановившись у самой высокой сосны в кольце пышного малинника.

— Тут я, — раздался знакомый голос.

— Зачем в чащобу-то забралась?

— Чтоб ни с кем не встретиться.

— Ночь-полночь, хоть глаз выколи, — никто тебя не заметит!

— Да я сама никого замечать не хочу — боязно.

— Вот те раз, — топнула Немира. — Ну и товарка. А на реке тоже струсишь?

— Вот еще! — вылезла из кустов Яринка.

— Ладно, пошли, — смилостивилась Немира. Все ж как бы ни был силен интерес, а одной идти не хотелось. Вот только признаваться в том совсем необязательно.

Яринка ступала след в след, но дергалась от каждого шороха и подпрыгивала от любого скрипа: то ей чудилось, как чьи-то когти рвут гарсет¹, то мерещились в кустах желтые глаза оборотня, а когда из-под ног выскочил заяц — и вовсе на подружке повисла.

— Ну и трусиха же ты! — подытожила Немира, едва удерживаясь на ногах — не мелкой кости была Яринка.

— Просто он неожиданно выпрыгнул.

— Ну да...

— Надо было с собой Олелько брать.

— Не надо, — отозвалась Немира и невольно вытерла рукавом губы. — А то снова пришлось бы поцелуями расплачиваться.

— Зато вдвоем веселее.

— А может, тебе просто нравится с ним целоваться? — догадалась Немира, пожалев, что в скудном свете луны не рассмотреть лица подружки.

— Вот еще! Нужны мне его поцелуи, как же! Пусть эту ошипанную курицу Макрину слюнявит. Просто... просто тогда бы мы наверняка живыми возвратились. Он ведь самый сильный на деревне.

Немира не поверила — не по годам рослой была подруженька-ровесница и на старшую сестрицу, что прошлым летом поневу повязала, с завистью глядела, — но вслух сказала:

— И самый наглый. Мы и без него возвратимся. Нож имеется, да и заговор известен.

Яринка только вздохнула. Какое-то время девицы хранили молчание, что время от времени нарушало совиное уханье да отдаленный волчий вой. Когда же воздух посвежел и запахло рекой, Немира велела пригнуться и идти как можно тише. Все ж к встрече следовало подготовиться, а заводь-то вон за теми кустами.

— А ты уверена, что они там будут? Последний покос давным-давно прошел, — едва слышно шептала Яринка. Громко хрустнул хворост под ее ногами.

— Тсс!

Немира резко припала к холодной земле и подружку следом утянула. Девичьи сердца заколотились в такт. Осенний воздух наполнился дивным пением, будто то не голос был, а серебряные колокольчики звенели:

---

¹ Гарсет — безрукавка.

Как ночь сегодня хороша:
Луна в златом сиянии,
Река средь трав и камыша
В блестящем одеянии.
Кольшет легкий ветерок
Мои густые волосы.
Я вдалеке от глаз, дорог,
Без платья да без пояса.
Скорей иди сюда, мой друг,
Согрей меня дыханием,
Теплом объятий, лаской рук.
В лесном благоухании,
Среди прохлады и тоски
Даруй мне пылкость сладкую:
Чтобы объятья, как тиски,
Чтоб поцелуи жаркие...

Яринка не то от ужаса, не то от услышанного распахнула свои и без того немалые глаза так, что Немире даже страшно-вато стало: вдруг выскочат. Поди потом отыщи в траве да среди жухлых листьев.

— А что, если они нас заметят?

— Тсс.

Немира решила подползти к заводи ближе и потащила за собой подружку. Однако та вдруг уперлась и отчаянно замотала головой.

— Да не трись ты!

Но Яринка развернулась с явным намерением убежать как можно дальше от нечистого места. Однако и Немира не собиралась сдаваться. Договаривались не уходить, пока не увидят русалок, значит, не уйдут! Вот только справиться с немалым задом подружки оказалось делом не из легких. Пришлось идти на отчаянную меру: хитрая подсечка — и вот Яринка распласталась на сырой земле, пытаясь сообразить, что произошло. Немира же тем временем выхватила нож и принялась очерчивать большой, до самых камышей, круг, приговаривая обережный заговор, а закончив, предупредила:

— Теперь, если переступишь эту черту, тебя водяницы под воду уволочут. И в глаза им не смотри, а то ни круг, ни заговор не помогут.

Подружка села, подтянула ноги к груди и обиженно прошептала:

— Лучше бы на гаевок смотреть пошли. Они хоть добрые — зверей, птиц лечат.

— Ага, зато против их деда заговором да кольцом защитным не отделаешься! Уж он-то знает, сколько ты поганок от нечего делать посбивала!

— Гаевки хорошие, они бы не дозволили деду меня обидеть, — надула губы Яринка.

— Ну, хочешь, завтра пойдем? — предложила Немира. — Я с удовольствием посчитаю, сколько раз тебе гаюн дубиной по голове настучит.

— Тебе, можно подумать, не настучит!

Немира пожалала плечами. Если бы она гаевого деда повстречала, то уж ее-то он первую поколотил бы. Имела Немира дурную привычку поганки да мухоморы пинать. И уж куда чаще подружки это делала. Но на то были причины. Однажды, когда мамка захворала, Хромая Гнеда сделала отвар из свежесобранных мухоморов. Поила им больную и обещала исцеление через пару дней. Только Доминике вдруг так худо стало, что еле-еле откачали, благо староста редкого лекарского порошка отжалел, хоть и пришлось потом пахотой аж три седмицы расплачиваться. После того Немира ни мухоморов, ни старую знахарку не жаловала. А один раз и вовсе ей дверь Булькиным дерьмом измазала, чтоб неповадно было людей травить.

— И все ж не время за гаевками наблюдать. Они как раз сейчас, должно, шерстью обрастают.

— Шерстью? — почесала голову подружка. — Да, пожалуй, красоты в таких девах будет мало.

— Давай на русалок поглядим, — предложила Немира. — Зря, что ль, пришли?

Яринка вздрогнула, но затем все же кивнула. Девушки тихонько подползли к краю берега. Однако очеретовые колтуны не позволяли толком ничего разглядеть.

— Поторопилась ты кольцо очертить, — заметила подружка.

Но Немира не растерялась: подтянула палку и, не покидая спасительного круга, осторожно развела ею давно вызревшие камыши. От увиденного у обеих подружек враз перехватило дыхание. На бревнах да валунах у самого берега сидели нагие девы и расчесывали длинные волосы. Бледная кожа будто светилась в ночи. Водяницы то пели, то замирали, будто в камни претворялись.